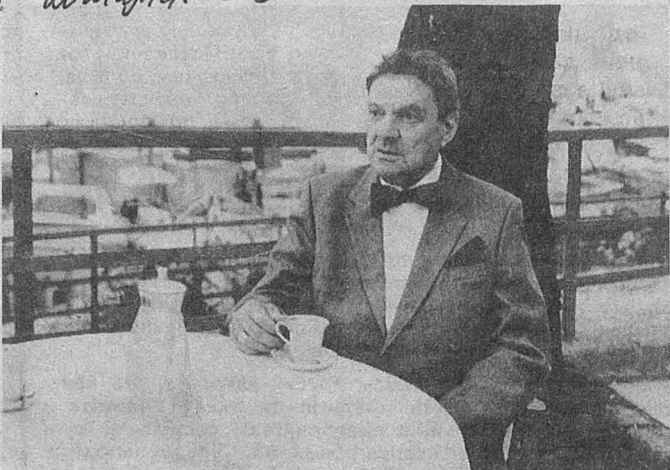

КРУПНЫМ
ПЛАНOM

ЛЮКС ДЛЯ ХОРОШЕГО АКТЕРА

Можно ли алгебраически вывести формулу тайны художественного мастерства или у каждого художника свои тайны, как и своя, уникальная, кремнистая дорога и неповторимая творческая судьба?..

Константин Наумович Воинов, актер и режиссер, кинематографист и деятель театра, постановщик таких популярных фильмов, как «Молодо-зелено», «Солнце светит всем», «Трое вышли из леса», «Женитьба Бальзаминова», «Дядюшкин сон», «Шапка», всегда стоял на стороне от острейших социальных и политических споров своего времени. Он просто работал. Константин Воинов родился в 18-м, год спустя после Октябрьской революции, в Муроме. «Крестили меня в тюремной муромской церкви — ее теперь нет...». Многое теперь нет. Времена меняются... Появляется много нового, приятного и малоприятного. А Константин Воинов продолжает работать. Недавняя его работа как актера — главная роль в новом фильме Александра Александрова «Номер люкс для генерала с девочкой». В предыдущем фильме Александрова «Утоли моя печали» Воинов играл второстепенную роль.

— Вы режиссер. С чем связан ваш переход в актеры, как вас «нашел» Александров?

— Переход в актеры связан прежде всего с отчетливым чувством моей актерской нереализованности. Именно как актер, я мог бы еще многое сыграть. А Александров меня нашел очень просто — он предложил мне роль в фильме «Утоли моя печали». Я проявил неожиданное для самого себя благородство, поскольку курировал эту картину как член худсовета объединения, и сказал: предложите Олегу Борисову — это скорее для него! Вот если он откажется... А Борисов был занят, и кончилось мною. А однажды во время съемок Александров в перерыве в буфете вдруг сказал: «В следующем фильме я буду снимать вас в главной роли!» Я отнесся к этому несерьезно. Знаете, как часто бывает, — режиссер наобещает с три короба в эйфории, что у него все получается, а потом забудет... Но год спустя мне позвонил сам Александров и предложил попробовать на главную роль в «Номере люкс для генерала с девочкой»...

Так появился этот фильм — история карточного шулера, выдающего себя за генерала в отставке, — фильм, наполненный пронзительными нынешними реалиями, добрый и человеческий. «Такие герои вечно противостоят социуму», — сказал о Коте «Бристоль» режиссер А. Александров. Герой Воинова — один из тех глубоких, тонких и отчаянно благородных людей, что встречаются порой в уголовном мире, вообще довольно близком к миру артистической богемы, романтики и больших страстей, дорог авторам своим артистизмом, цельностью личности, верностью себе — качествами, увы, встречающимися в нашей жизни все реже и реже... Уголовная мелодрама. «Низкий» жанр. Кто-нибудь другой, не Воинов, может быть, отказался бы играть — уж слишком этот жанр невысокого полета... Константин Воинов согласился. Он — ремесленник. Большой, настоящий ремесленник в подлинном значении этого слова, имеющий такую странную и невеселую судьбу у нашей критики.

— Почему «ремесленник» стало ругательным словом? — недоумевает Константин Воинов. — По-моему, ремесло — это нечто такое, что изначально скрыто в природе таланта, без чего таланта не существует. Я помню, однажды Михаил Ильич Ромм сказал мне: ну ремесло — это просто, им овладеешь после первого фильма... Но ведь без ремесла нет искусства. Почему, например, гениальный Чаплин так беспокоился о том, как зритель воспринимает его фильмы, почему этот гений, величайший художник, так расстраивался — вот здесь почему-то не смеются, что-то недоделано? Это ремесленник, гениально владеющий своим ремеслом...

«Ремесло поставил я подножием искусству», — говорит в маленькой трагедии Пушкина отравитель Сальери. Может быть, отсюда пошло странное убеждение, что ремесло — это, дескать, малосерьезно, «для толпы», а вот искусство — для высокоблагородной элиты... Но парадокс в том, что слова Сальери с полным правом могли произнести и пушкин, и сдвиг Моцарти!

— Мне было бы крайне неприятно, если бы мои картины шли в так называемых «элитарных» залах, — говорит Воинов. — Знаете, каким навсегда останется одно из счастливейших воспоминаний моей жизни? Я шел по улице, а у касс кинотеатра — огромная очередь на «Женитьбу Бальзаминова». Я очень хорошо помню тот успех...

— Да, картина хороша. А как в те годы ее воспринимали «наверху»?

— По-разному. Где-то она шла на «ура». Асовсем уж высокому начальству резко не

понравилась. Мне тогда сказали, что я издеваюсь над классикой. Говорили и похуже — что издеваюсь над русским народом — тыфу! А мне, черт возьми, очень близок этот дурачок Бальзаминов с его простотой житейской мудростью, как близка и старая Россия с ее купеческим бытом. Мне кажется, я его, этот быт, хорошо чувствую — моя мама происходила из купчих. Я боготворю русскую живопись XIX века... Вы заметили, что вся «Женитьба Бальзаминова» сделана на Кустодиеве? Нет, слава Богу, фильму тогда дали первую категорию, и я собрался снимать «На всякого мудреца довольно простоты» — опять по Островскому. Я хотел снять веселую сатирическую комедию в духе времени. Был замысел и такой сцены: идут по улице, беседуя, Мамаев и Крутицкий, а за ними едут две черные кареты — на манер черных «волг»: я однажды видел такую прогулку высших «партийных» чинов на Воробьевых горах. Играть должны были Борис Андреев и Николай Крючков. Но снять мне не дали...

— Почему же!

— О чем вы спрашиваете, Бог с вами!.. Не дали — и все. Такие были времена. Козинцев, в шестидесятые уже ставший великим, обласканный славой, по два часа ждал приема в Госкино — а что уж о нас, грешных... В шестидесятые не так много поменялось по сравнению с пятидесятыми. Хотя кое-что, конечно, поменялось. Представьте себе: в самом начале пятидесятых я, совсем молодой режиссер, поставил спектакль «Честность» — о зазнавшемся директоре, считавшем завод своей вотчиной. Спектакль был хорошо принят зрителем, его хвалила пресса и даже начальство. Первые десять дней. И вдруг... Иду по коридору, а навстречу начальник управления культуры Москвы: «Здравствуйте, Константин Наумович!» Не Костя, как обычно после первых спектаклей, а Константин Наумович. Сердце у меня дрогнуло, я понял: что-то случилось. И правда, «наверху» спектакль кому-то не понравился. Начался разгром постановки...

— Театр словно преследовал вас и в вашей работе в кинематографе... Вы ведь играли Верстовского в фильме «Мой дом — театр», где Александра Николаевича Островского сыграл Кайдановский!

— Да.

— А ведь первые ваши киноработы были от классики весьма далеки...

— Вы правы. Современная тема или правда о войне и фронтовиках. После «Трое вышли из леса» обо мне такая и пошла слава — что я могу сказать правду о войне. Но, видите ли, наше поколение на самом-то деле попало в такие жесткие тиски времени, что нельзя было не то что сделать правдивую картину на современную тему, но и сказать хоть какую-то правду о нашей жизни, экранизируя русскую классику. Самые безобидные вещи вызывали подозрительную реакцию... А интерес к современной теме у меня совсем не иссяк, я ее очень люблю. Я очень люблю «Шапку» по Владимиру Войновичу — куда уж современнее! Кстати, это был мой первый фильм на современную тему, сделанный с чувством полной свободы. В середине 80-х годов я написал сценарий «Мужчина в черном, или Поминки». Это была история поминалок погибшего актера, и на этих поминках выясняется, что никто его толком не знал — ни близкие друзья, ни любимые женщины. И вдруг он является сам на свои собственные поминки... Понимаете, это история о том, что мы сами плохо

знаем своего ближнего, часто принимаем за знание свое представление о нем, а как часто оно оказывается далеким от правды. Я показал кому-то из редакторов. Он подумал, пожал плечами и сказал: зачем поминки? Может быть, сделать встречу друзей... Видите, что происходило. Когда я понял, что и этой картины не будет, я переделал сценарий в пьесу, и мысль о ее постановке меня не оставляет.

— Неужели неутомимый критический реалист Воинов захотел попробовать свои силы в драматургии абсурда?

— Никакой это не абсурд. А вот насчет критического реализма вы совершенно правильно заметили. Это та самая традиция, поклонником и последователем которой я называл бы себя с гордостью. Для меня самое главное — человек, его характер. И я верю, что все вернется на круги своя. Всегда, в самые трудные годы была интеллигенция со своими традициями. Все поиски внешнего, модерн, абстрактное искусство перейдут в настоящий реализм. Искусство вернется к правде, простоте, человеческому портрету, и рассказ будет о нем, о человеке. И снова возникнут традиции, очень важные для меня, — традиции русского демократического искусства, искусства для всех. Сегодня можно очень легко добиться успеха, например, постановкой секс-фильмов или крутых малоправдоподобных боевиков, но ни один серьезный, профессиональный режиссер таких фильмов не делает. Между прочим, сейчас уже самый неисклюшенный зритель перестает ходить в кино на «крутые» американские боевики — это быстро приедается... В Америке мне рассказывали, что молодожены, смотрящие порнографические фильмы, сначала очень довольны. Возбуждают! А потом перестает возбуждать, и они пишут на телевидение растерянные письма — почему? А потому что приелось, жизнь, как всегда, взяла свое. Так ведь и здесь долго эту жвачку жевать нельзя. Пена сойдет, и все вернется к реализму...

— Что радует и что огорчает Константина Воинова в нынешней, такой непредсказуемой и беспокойной жизни?

— Да я уж все рассказал вам. Конечно, спекуляция, разгул бандинизма — все это не может не беспокоить. В семь часов вечера улицы словно вымирают. Но я вспоминаю вот что... В конце тридцатых мы с сестрой жили в Каретном ряду, в двухкомнатной квартирке. И всегда, если ночью во двор въезжала машина с зажженными фарами — сердце екало. И так было все те годы, сами знаете, — у всех. Это ужасное чувство. Не дай Бог вам его пережить. Такого чувства сейчас у людей нет. Сейчас много злобы, ненависти. Но я верю, что это пройдет...

— ...и восторгается критический реализм как в искусстве, так и в жизни?

— Да. Критический реализм и, пожалуй, обычная житейская человеческая мудрость, которой мне, к стати сказать, всегда не хватало. А это великая вещь. Со мной давно приключился случай, и я его на всю жизнь запомнил. Я ехал на электричке из Ногинска в московский театр на спектакль. Рядом со мной сидел старичок. Вдруг в вагон входит здоровый пьяный мужик и давай всех задирает: вот я тебе! А настроение у меня, сами понимаете, было прескверное — из московских режиссеров-то меня выгнали... Ну, думаю, подойди ко мне только, посмотрим, кто кому даст... А пьяный мужик подошел и поначалу к старичку: эй, ты! И тут старичок... знаете, что он сделал? Даже не повернув головы, продолжая смотреть в окно, стал негромко прихлопывать в ладоши, напевая вполголоса какую-то плясовую. И пьяный вдруг широко заулыбался и, пританцовывая, вышел из вагона. А я бы полез в драку, и черт знает что из этого бы вышло... Это житейская мудрость.

Константин Воинов рассказал, что однажды театральная гримерша сделала ему комплимент: она сказала, что он похож на Качалова или Ливанова — такой он большой, крупный... Да, природа его артистизма корнями уходит туда, в блистательную плеяду больших русских артистов. О ней, об этой плеяде, принято говорить в проходящем времени: «вымирающая». Так ли? А может быть, и вправду все вернется на круги своя, и молодые артисты предадут свое — в искусство всегда благородное — право наследования прекрасному племени гигантов, проживших настоящую и красивую жизнь и имеющих полное право ею гордиться...

Д. САВОСИН.